

Новая газета – 16.11.2015

Павер Каныгин

Обменный курс

Почему пленные россияне поменяли первоначальные показания в ходе суда, а также почему они теперь не могут быть выданы России

<http://www.novayagazeta.ru/society/70747.html>

В Голосеевском районном суде Киева начался процесс по делу россиян Евгения Ерофеева и Александра Александрова. Военная прокуратура Украины называет их военнослужащими Главного разведуправления России (ГРУ) и обвиняет по шести статьям Уголовного кодекса, в том числе в терроризме и ведении агрессивной войны. В Минобороны России заявляют, что капитан Ерофеев и сержант Александров были уволены со службы в армии еще в декабре 2014-го — за пять месяцев до задержания в «ЛНР». Сами россияне говорят, что служили в «народной милиции ЛНР», и отвергают все обвинения украинской прокуратуры. Впрочем, на этапе досудебного следствия и Ерофеев, и Александров заявляли, что находились в «ЛНР» в качестве военнослужащих российской армии с миссией скрытого наблюдения. Капитан Ерофеев от этих показаний на суде отказался, сообщив, что давал их под давлением. Недавно такую же позицию занял и сержант Александров.

В интервью «Новой газете» киевские адвокаты Ерофеева и Александрова рассказали, почему показания их подзащитных на стадии предварительного следствия так отличались от того, что они говорят теперь. Адвокаты настаивают, что в отношении «народных милиционеров ЛНР» должны применяться нормы Женевской конвенции о военнопленных, а власти Украины обязаны гарантировать интернирование обоих россиян в Луганск.

Юрий Грабовский, адвокат сержанта Александрова: «Суд хочет показать, что Украина остается гуманной, умной и порядочной страной»

— Вас наняли родители сержанта Александрова. Они вас о чем-то попросили?

— Они попросили сделать все, чтобы Саша не пострадал физически ни на территории Украины, ни на территории России, если он будет туда переведен. Никаких гарантий, конечно, я дать им не смог, но пообещал, что сделаю все.

— **Знаю, что вы отговаривали родителей от поездки в Киев. Почему?**

— Чисто гипотетически их могут взять здесь в заложники и давить на Сашу. Известны методы работы контрразведок наших стран. Самое мягкое, что может произойти, — представьте: приходят родители в зал суда, а на них нападает кто-то из толпы.

— Их безопасный визит и пребывание в Киеве могли бы обеспечить дипломаты, разве нет? Тот же консул Грубый.

— А кто обеспечит их безопасность, когда консула Грубого не будет рядом? Даже я не имею никаких гарантий, что сегодня или завтра не случится какая-либо провокация, что ко мне не залетят маски-шоу и не найдут в сейфе килограмм наркотиков или оружие. В любом случае от того, что приедет мама или папа, эффекта для защиты не будет. Надо быть прагматиками, слезы и эмоции нам сейчас не нужны. Если мама захочет приехать и будет настаивать, то это можно попробовать устроить под приговор, но не сейчас.

— Вы считаете, что дело ваших подзащитных — политическое?

— Исключительно политическое. Если бы оно не было таковым, то и не имело бы тогда такой сумасшедшей огласки. Задержали бы <Александрова и Ерофеева> втихаря в Луганской области, там же провели бы расследование, приговорили бы к каким-то срокам, и никто ничего бы не узнал. А сейчас шум на весь мир.

— Но предыдущий адвокат Александрова, Константин Кравчук, называл дело сугубо уголовным: совершены конкретные преступления.

— Никто не оспаривает, что тут есть уголовный момент. Но с самого момента их задержания было принято решение высшим руководством страны выстроить дело Ерофеева—Александрова аналогичным образом, что и дело Савченко в России. Хотели добиться зеркальности в этих двух делах. Сумасшедшие обвинения, которые предъявляются в обоих случаях, нарушение прав, создание информационного фона — я говорю об этом. Сразу после задержания руководители и СБУ, и государства придали делу определенное направление, заявив, что двое наших подзащитных являются бойцами российской армии, совершившими акт военной агрессии в отношении Украины. Естественно, в таком случае ни у следствия, ни у прокуратуры иного мнения на счет статуса задержанных быть не может.

— А что сами думаете по поводу их статуса?

— Скажу, что надо верить только документам. У стороны обвинения нет никаких доказательств (они их не предъявили), из которых бы вытекало, что указанные лица — военнослужащие РФ. К таким документам может относиться приказ о зачислении в штат или в резерв, военные билеты и зарплатные ведомости. Ничего этого у следователей по нашему делу нет. Что должны были сделать в случае реального задержания военнослужащего РФ наши контрразведчики? Вызвать военного атташе посольства России. Я не помню, чтобы такое было. Был лишь только консул. То есть мы видим, что даже на момент задержания никто из официальных представителей Украины не произвел в отношении россиян необходимых по закону действий. В сухом остатке обвинение имеет только лишь первичные показания Ерофеева и Александрова, записанные на камеру людьми из СБУ с грубейшими процессуальными нарушениями в отсутствие адвокатов и консула.

— Вы говорили, что к Ерофееву и Александрову могут применяться нормы Женевской конвенции о военнопленных. Что это значит?

— Это значит, что они должны быть интернированы по месту своей службы, то есть в Луганск. Даже будучи сотрудниками народной милиции «ЛНР», они попадают под действие конвенции, где четко описаны признаки, в том числе и нашего случая, — пленение бойцов непризнанных образований, соответствующих вооруженным силам. А у нас есть документы, где указано, что оба бойца были приняты в ряды народной милиции «ЛНР». И мы свою защиту строим именно на этих документах.

— Ерофеева и Александрова на первых этапах следствия обвиняли в убийстве. Что с этим?

— Статьи по убийству как таковому, это видно из обвинительного акта, нам вообще не вменяют. У нас есть «содействие в террористической деятельности». Содействовали они, судя по акту, «боевикам ЛНР». И здесь у меня появляется много вопросов: каким боевикам? Кто является потерпевшими? И почему потерпевшие в нашем

деле получили ранения осколками от минометного снаряда, тогда как у наших подзащитных изъяли винторезы?

— **Юрий, я спрашиваю вас об убийстве Пугачева¹. Его убили, если не ошибаюсь, как раз из винтовки.**

— Да, но гособвинитель Климович сказал на процессе такую фразу: «Мы не нашли винтовки, из которой был убит Пугачев, и поэтому обвиняемые, если окажутся на свободе, могут уничтожить следы преступления и улики». Замечательная фраза для прокурора, готовящего обвинительный акт. То есть орудия убийства в деле нет. Есть труп, есть много винтовок, но, как мне сказали на досудебном расследовании, «сука, ни одна не подходит». Так кто тогда стрелял и где оружие? Ведь Пугачева убили не из тех винтовок, которые были в момент задержания у наших подзащитных.

— **Правду говорят, что Ерофеев и Александров, отказавшись от первоначальных показаний и объявив себя милиционерами «ЛНР», минимизировали риски своего преследования со стороны властей России — на случай если вскоре будет обмен?**

— Ну мне сложно, как вы понимаете, здесь что-то комментировать. Скажу только, что в любом случае сроки по вменяемым им в Украине статьям в принципе не предполагают скорого возвращения на родину. Здесь им может светить даже пожизненное. Ребята понимают это. Но суд, я думаю, не пойдет на пожизненное.

— **Почему?**

— Пожизненное — это слишком много и никому не нужно. Политическая задача Украины состоит здесь не в наказании этих людей, а в том, чтобы продемонстрировать миру факт военной агрессии России. Ну и надо, конечно, показать, что Украина при всем этом остается гуманной, умной и порядочной страной. Поэтому следствие всю дорогу и доказывает не вину наших подзащитных в конкретных преступлениях, а участие России в войне против Украины.

Оксана Соколовская, адвокат Евгения Ерофеева: «Я не оправдываю Женю с точки зрения морали»

— **Вы общаетесь с родственниками капитана?**

— Ни разу не общалась ни с мамой, ни с папой. Имела разговор только с его женой Юлией. Мы встречались в Москве, она приехала туда специально из Тольятти. Юлия готова общаться только со мной и лишь в аспекте защиты ее мужа. Через консула передавала несколько раз письма и фотографии ребенка.

— **Расскажите, на чем вы строите защиту Ерофеева.**

— Мы не будем афишировать свою позицию, чтобы не давать фору обвинению. Все наши доводы будут представлены в рамках судебного процесса, но я скажу, что Ерофеев давал свои показания на стадии досудебного следствия под давлением СБУ. Капитан был ранен, его здоровье зависело от того, что и как он будет говорить. И все показания, которые он дал, были согласованы заранее с представителями СБУ. Впоследствии даже я, как его защитник, говорила ему перед допросами, чтобы он пользовался 63-й статьей конституции Украины, гарантирующей право не свидетельствовать против себя. А он не пользовался и все равно давал показания.

— **Почему?**

— Ну потому, что у него на тот момент были договоренности с СБУ. Я не участвовала в этих переговорах и сомневалась в их целесообразности, но Евгений, видимо, тогда считал иначе. И ему, и Александрову был обещан обмен еще до начала суда. Но для этого, как попросили следователи, подозреваемые должны были говорить определенные вещи <о своей службе в рядах армии РФ>. Сейчас, конечно, мы понимаем, что их, мягко говоря, обманули. Дело передали военной прокуратуре, которая тут же, используя их показания, заявила о новых подозрениях — еще по пяти статьям кроме

терроризма. А все договоренности остались на уровне невыполненных обещаний. Может быть, он и вас обманул, посчитал это нужным. И я же вам говорю, может быть, тогда у него были такая позиция и определенные надежды. Но факт остается фактом: у меня имеются доказательства, что Ерофеев являлся военнослужащим милиции «ЛНР», и он сам это подтверждает. Есть документы Минобороны России, где сказано, что он был уволен со службы в декабре 2014 года. При этом документов, свидетельствующих, что он до сих пор является военнослужащим РФ, ни у кого нет. Мы это слышим только от следствия, но никакими подтверждениями они не обладают. ...Вмешать ведение агрессивной войны обычному капитану разведывательной группы — ну это как минимум глупо. Тем более когда у нас нет объявленной войны.

— **В таком случае они будут признаны террористами, разве не так?**

— Я не оправдываю Женю с точки зрения морали, но я считаю: если человек был пленен украинскими военнослужащими на не подконтрольной Украине территории, то к нему должны применяться нормы международного права. О каком терроризме здесь речь?

— **Сегодня еще остаются какие-то шансы на обмен?**

— Они есть, конечно, но в нашем случае сторонами обмена могут быть Украина и «ЛНР». То есть обмен Ерофеева и Александрова возможен на тех лиц, которых удерживают сепаратисты. И я не уверена, что речь может идти о военнослужащих Украины, которые содержатся на территории России.

— **Вы не следите за процессом по Савченко?**

— Не всегда успеваю, но могу сказать, что по количеству нарушений наши суды не просто похожи друг на друга, они как близнецы. Просто наши органы следствия и ваши — из одной школы.

— **В СБУ вас называют агентом ФСБ.**

— Это бред. Право на защиту имеет каждый, это принцип моей работы. А то, что про меня рассказывают в СБУ, — ну пусть говорят. Это свидетельствует только о вмешательстве в мою адвокатскую деятельность. Откуда они могут знать, агент я или нет? У нас в Украине есть закон об адвокатской тайне: меня не имеют право ни прослушивать, ни проглядывать... Но при этом СБУ уже пятый месяц практически открыто ведет в отношении меня ОРД (оперативно-разыскная деятельность. — П.К.). Нашим спецслужбам надо дискредитировать защиту во что бы то ни стало, это политическая задача.